

Ильин Виктор Васильевич

доктор философских наук, профессор
Российского государственного аграрного
университета – Московской сельскохозяйственной
академии им. К.А. Тимирязева

Ilin Victor Vasiliyevich

D.Phil., Professor,
Russian State Agrarian University –
Moscow Timiryazev Agricultural Academy

Мамедов Азер Агабала оглы

кандидат философских наук,
доцент по кафедре философии и социологии
Российского государственного аграрного
университета – Московской сельскохозяйственной
академии им. К.А. Тимирязева

Mamedov Azer Agabala

PhD, Assistant Professor,
Philosophy and Social Science Department,
Russian State Agrarian University –
Moscow Timiryazev Agricultural Academy

Бирюкова Елена Анатольевна

кандидат философских наук, доцент
Калужского филиала Московского государственного
технического университета имени Н.Э. Баумана

Birukova Elena Anatolyevna

PhD, Assistant Professor,
Kaluga Branch of
Bauman Moscow State Technical University

Мюллеринен Елена Александровна

Институт современных образовательных технологий
Московского государственного технического
университета имени Н.Э. Баумана

Mullyarinen Elena Aleksandrovna

Institute of Modern Educational Technologies,
Bauman Moscow State Technical University

АНАТОМИЯ ПОНИМАНИЯ**THE ANATOMY OF UNDERSTANDING****Аннотация:**

Понимание представляется когнитивным процессом умственного означивания ресурсом герменевтики. Особое внимание уделяется оценке таких составляющих данного процесса, как распознавание смыслов в коммуникативной среде, организация текстов, размерность ситуаций, апелляция к сверхтекстовым смыслам-значениям. Важную роль в процессе понимания играет предпонимание, которое отображает, выражает устойчивую способность мышления комбинировать, т. е. сопоставлять, духовные, когнитивные, ментальные, образные (эстетические, ноэматические) комплексы. Авторы статьи особый акцент делают на древний вариант предпонимания – архаичную синкретизацию природного (бытие – объект) и судьбического (человек – субъект) универсумов, что гносеологически означало установление процессуально-смыслового параллелизма – неизменного соотношения, сопутствования двух типов явлений, подчиняющихся единым законам.

Ключевые слова:

понимание, текст, контекст, подтекст, коммуникация, предпонимание.

Summary:

Understanding is a cognitive process of mental signification by hermeneutics resources. Great attention is paid to the evaluation of such components of this process as the recognition of meaning in the communicative environment, the organization of texts, the dimension of the situation, the appeal to supertext value meaning. An important role in the understanding process is played by preunderstanding which displays and expresses sustainable ability of thinking to combine, i.e. to compare spiritual, cognitive, mental, figurative (estimatic, noematic) complexes. The authors emphasize an ancient edition of preunderstanding, i.e. an archaic sincretization of natural (being – an object) and fatal (human – a subject) universe that gnoseologically meant determination of processual semantic parallelism, i.e. permanent correlation, two accompanied types of the phenomena complying with the uniform laws.

Keywords:

understanding, text, context, subtext, communication, preunderstanding.

Акт понимания, взятый под углом зрения work in progress, композиционно уподобим некоему мегаконтурю, включающему аддитивные группы. По фарватеру:

I группа. Предпонимание, вводящее релевантные рамки распознавания смыслов в коммуникативной среде. Скажем: (а) я говорю «мой»; (б) я говорю «мой». В (а) «мой» – притяжательное местоимение, семантически маркирующее «человек», «мужчина» в отношении «принадлежащий мне», «близкий», «любимый», «родной». В (б) «мой» – глагол (от «мыть», несовершенного вида) семантически соотносимый с «очищать от грязи водой» (пол, посуда). Коммуникативная нацеленность предпонимания – провизорная адаптация «смысла-значения» к характеру, определенности, полноте текущей ситуации.

II группа. Текст, толкуемый широко – как знаково-информационная, образно-символическая система. С наиболее удаленных рубежей организация текста крепится на введении:

- a) базисных элементов (символов, алфавита);
- b) правил комбинирования базисных элементов – выстраивание из символов (букв) морфем, слов;
- c) правил комбинирования морфем, слов – выстраивание из слов конфигураций слов (предложения, фразы, пропозиции).

Вышепредставленные пункты паушально суть правила образования и преобразования, включающие разные типы ассоциирования знаков от морфологии до синтаксиса (сочленение знаков в синтагматические отрывки). Развертывание исчисления знаков (текстов) крепится введением метаязыковых соображений – алгоритмов образования фрагментов текста из элементов знаковых систем (ресурс морфологии, синтаксиса + ресурс семантических вкраплений-обрамлений, позволяющих тематизировать знаковые системы с позиций фабулы, жанра, стиля, композиции. Говоря строго, «нормальный» текст – не просто «знаковая система»).

В данном деле немаловажна роль вспомогательных символов типа диакритических знаков: трема (французский), циркумфлекс (французский, албанский, классический греческий), седилла (французский), макроны, тильды (испанский); точек, черточек (русский, чешский), букв «ь», «ъ» в русском для смягчения согласных, разделения морфем; апострофа (идея генитива); ударения; заглавных букв (субстантивы в немецком, собственные в русском) как показателей грамматических категорий; пунктуации (идея законченности синтагматических протяженностей); полиграфического оформления (шрифты, интервалы, абзацы, поля, конфигурации), что позволяет оттенить смысловые, логические отношения [1].

III (затекстовая) группа. Контекст – вводит эротетические релевантности, соответствие смыслов-значений существу, порядку, размерности ситуации. Речь идет о системе экспектаций относительно базовых консенсусов о выполнении значимых (ожидаемых) ролей, занятии поведенческих позиций, осуществлении обязательств, допустимых трактовок.

IV (внетекстовая) группа. Подтекст – апелляция к сверхтекстовым смыслам-значениям, базирующимся на наведении мостов от центральных (ядерных) признаков единств к периферическим. Углубимся в анатомию понимания.

I. Предпонимание. Отображает, выражает устойчивую способность мышления комбинировать – сопоставлять духовные, когнитивные, ментальные, образные (эстетические, нозматические) комплексы. Нерв мышления – связывание, синтезирование единиц мысли (семемы, мнемы) через соположение по признакам сходства, смежности (в пространстве, времени), причинности, поиск смысловых, предметных корреляций через соотнесение явлений по группам характеристик.

Истолкованная в терминах соотнесения, сопоставления способность мыслить есть рефлекс с «заторможенным концом» (Сеченов). Режим торможения (за границами первосигнальности) обусловлен самим способом установления символических соотношений одного с другим через встраивание элементов в системы посредством таксономизирования, типологизирования, классифицирования. Элементарная форма классифицирования – предметная бинарность, сетка бинарных оппозиций: целое – часть, дух – тело, конкретное – абстрактное, небо – земля и т. п. (ср.: гексаграммы иц-зин, передающие взаимодействие альтернатив инь – ян, порождающих все богатство вещей и явлений. Иная систематика – таблицы противоположностей пифагорейцев, включающие 10 пар онтологических альтернатив: предел – беспредельное, чет – нечет, единое – многое, правое – левое, мужское – женское, покой – движение, прямое – кривое, свет – тьма, добро – зло, квадрат – прямоугольник). Рафинированная форма классифицирования – философская категоризация, зиждущаяся на подведении под предметные (таксономические) классы, обслуживающем проведение понятийного (языкового – гипонимизация) узнавания – содержательной идентификации.

Генетическая развертка процесса – упрочение умственного потенциала в онтогенетике, заключающееся в прохождении фазисов сенсомоторного развития, отрабатывающих приемы интрамодальных, интермодальных, сенсомоторных синтезов. С ранних стадий социализации преодоление пралогической синкретизации осуществляется:

- 1) отделением объектности от субъектности – автономизация предметности, вещиности и «я» (субъект-объектная оппозиция);
- 2) возникновением зачатков второсигнальности – закрепление генерации умственных образов, символической имитации предметности;
- 3) упрочением символического (языкового) кодирования действительности как самодостаточного умения (где свертываемая предметность и развертываемый язык формируют мысль, загадка кристаллизации мысли получает разгадку представлением замены субстанциалиса семиозисом).

Исходный, исторически наиболее древний вариант предпонимания – архаичная синкретизация природного (бытие – объект) и судьбического (человек – субъект) универсумов, что гносео-

логически означало установление процессуально-смыслового параллелизма – неизменного соотношения, сопутствования двух типов явлений, подчиняющихся единым законам. Свидетельства указанного родства – многочисленные олицетворения, персонификации стихий, т. е. собственно событий и обрамляющих их образно-рефлективных сопровождений. Таковы те же нимфы: океаниды, nereиды, наяды, дриады, лимнады, агrostины, орестиады, альсеиды, гамадриады, мелиады и т. п., имеющие зачастую антропоморфный облик, – Калипсо, Мента, Дафна. Те же фигуры речи, связывающие происходящее в природных и человеческих сферах: снежный покров – покрывало Богородицы – омофор священника – погребальный саван – свадебный плат.

Расщепление синкретизиса, отмена олицетворения, развал субъект-объектного параллелизма в культурном и социализационном прогрессе поднимают на более высокий уровень абстракции идею синтетичности мысли, опосредуемой механизмом связывания. Архаичный рычаг антропоморфного фундирования действительности, влекущей примитивную унитаризацию миров, на фоне протекающей их дуализации (бинаризации) (субъект-объектный параллелизм оседает в синтаксическом параллелизме – парность образов: Ерема – Фома; коннотации: Иерофей – Ерофей – Ерошка – ерник, ерничать, ерепенить, ерошничать, ероха, ероховатый, ерофениться; идея неопрятности, расхристанности, нерасчесанности, неряшливости, беспорядочности, буйства – антиповедение, бескультурие, стихийность, демонология) [2, с. 512] вытесняется более изощренным рычагом апперцепции.

Гносеологическое назначение последней – перевод «предмета» в «предмет мысли» за счет «понятийного обволакивания». Апперцепция, несомненно, инструмент опосредования. Такую свою функцию она выполняет:

А. Разрушением изоморфии отношения «предмет – мысль». Это производится на уровне речи соотношением материи образов с мнемами, на уровне мысли – с семемами. Итог – оформление «речевого мышления» (Кацнельсон), сплачивающего обозначение, речепроизводство, узнавание, категориальное включение в классы [3].

Б. Деформацией симметрии отношения «предмет – мысль». Образный эталон предмета – «понятие» репрезентируется знаком (символом), осложняющим сцепку «предмет – мысль» формами синонимии, полисемии, омонимии (видосохранение и видоизменение семантических значений в смысловом наполнении понятий). Онтогенетически и социализационно становление мышления неопита (ребенка) детализируется стадией производства так называемых pivot-структур, вводящих в технику вокабулы конструкцию «существительное + существительное» («стакан стекло»), стимулирующую кристаллизацию глубинных семантических связей:

- объединение (видеть то и это, одно и другое);
- атрибуция (такое-то то-то);
- принадлежность (то-то того-то);
- местоположение (то-то там-то);
- субъект-объектная группировка (тот-то делает то-то) [4].

В. Замещением окказиональных (те же ономотопы, выражающие звуковые денотаты), персональных смыслов (мыслительные уникалии) понятийными смыслами – закрепленными за знаками (символами) семантическими полями, нормирующими категориальное поведение (мыслительные универсалии). (Идею «полной» систематизации мыслительных универсалий развивали Далгарно, Уилкинс, разрабатывавшие таблицы мнемоники знания.)

Г. Последовательным связыванием языковых значений с предметными значениями (учет «актива – пассива» в глагольном строе; введение эллипсисов, синтаксических нулей), выстраиванием символично-отображательных мыслительных единств – высших порождений ментального синтезирования.

Расщепление логики соответствия и внутрисистемной логики позволяет расклинить субъект-объектную связь апперцептивным опосредованием – введением внутренней спонтанной активности (духовная сила на базе духовного опыта), на уровне диспозиций вырабатывающей:

- предотнесение информации (данных эстемы и ноземы) к общему фонду языка и мышления (та же стереотипизация хроногеометрических конструкций в идеологии классики: время – вечность, пространство – вместительность; неклассики: время – длительность, пространство – интервал; не-классики: время – момент, пространство – многообразие);
- преднастраивание восприятия/толкования смыслов-значений актуализацией позиционности мыследеятельности (разрешения/запреты социокультуры: гравитация – левитация);
- предустановление содержательной ценности, духовно осваиваемой провизорным пропуском когниций через фильтр «реалис – ирреалис» с маркировкой экстенционалов нулевого/ненулевого типа: кентавр и конь, человек; выявлением анахронизмов – крона кипариса, африканская тундра;
- предвыстраивание семантики референциального типа с идентификацией тропности: зеленое яблоко – зеленая идея, сырая почва – сырая рукопись; нацеленностью на предметную отнесенность (знак) и обозначение (метка);

– предощущение назначения коммуникации, управляемой принципом кооперации (сотрудничества), – прояснение статуса локуции, иллокуции, перлокуции.

Стадия предпонимания – стадия уточнения базовых структурных компонентов общения, именуемых также фреймами, подчиненная задаче установления некоей общности словаря, смыслов, значений, которые, точно вешки, ориентируют ход путника по бездорожью. Трудно (едва возможно) добиваться понимания на инновационном, несистемном, отрицательном характере семантики. Понимаемо узнаваемое, известное. Противоположное ему рождает трудности налаживания духовной кооперации (восприятие научным сообществом новаций Галуа, Гамильтона, Ли и т. д.), формирует общую атмосферу неудовлетворенности (ситуация в современной физике элементарных частиц, представляющей совокупность частных, не объединенных общим взглядом, не пригнанных друг к другу идей и подходов) [5, с. 31], усложняет человеческое общение (уяснение той же бирманской глагольной системы, имеющей будущее и не будущее время).

II. Текст. Формационные правила маркируют создание из базовых элементов правильно построенных формул (ППФ). Трансформационные правила вводят приемы преобразования ППФ в утверждения, множество которых образует текст. Таков формальный подход к тексту, утрируемый структурной лингвистикой.

Мы же будем держаться того, что текст – не абстрактное исчисление (семиозис), получаемое людическим перебором знаков (ср.: футуристические упражнения в зауми, проекты «слов на свободе»), лишенных смысловых значений конструкций, где отношение «означающее – означаемое» устанавливается произвольно (аналогично – древние магические тексты, заклинания, слова-экспрессии, звукоподражания, алогичные словопреобразования); не волюнтарная дедикативная конфигурация. Входящим в текст знакам должны ставиться в соответствие некие предметные отношения, придающие семиозису смысл, наделяющие его значением (через модели, интерпретации).

Скажем: система дифференциальных уравнений – абстрактное исчисление – получает потенциальное отображение на предметных процессах разной физической природы – соотносится с динамическими свойствами механических объектов и взаимодействиями силовых линий в электромагнитных полях (механические и электрические колебания).

В стихии же человеческого общения (гуманитарный контур) знаки имеют не потенциальное, а вполне актуальное представление, задающее семиотическую, семантическую, прагматическую определенность интеракции.

На основе сказанного с учетом результатов изучения текста в текстологии, поэтике введем приемлемую для нас тематизацию текста. Отправляясь от общеизвестного: текст суть создание, сочинение, произведение, артефакт на базе искусного связывания частей (элементов); принимая во внимание этимологию – *textus*, *texo* означает 'сплестать, сочетать, связно излагать', будем толковать текст как завершенное, цельное, целостное знаковое многообразие, формально и содержательно консолидированное лексическими, грамматическими, стилистическими, сюжетными, жанровыми, композиционными зависимостями [6].

Гносеологически текст не запись (собрание формул), но произведение (собрание идей), осмысливаемое в сетке представлений об особых типах знаковых многообразий, со следующими признаками:

– самосопряженность – замкнутость, компактность, невсеобъемлемость – невозможность объединения текста с нетекстом, нерелевантными, удаленными записями (ср.: авторские отступления, вставные новеллы);

– связность – сопоставимость элементов, их отнесенность к целому, группам преобразований, задающим способы перехода от одного к другому;

– упорядоченность – объединение частей в целое не по жестким принципам схемы аксиом, однозначно подразумеваемым правилам порождения, а по нежестким стилистическим, сюжетным, жанровым, композиционным соображениям с использованием приема свободного творческого выбора;

– интерпретируемость – допустимость содержательных перефразировок в заранее не установленных масштабах от силлогистики до патетики, от гиперболизации технических форм (конструктивизм) до утрирования естественно-природных проявлений (натурализм), от импресси до экспрессии, от реализма до символизма (нажим тайн духа с арабесками иллюзорного существования), от объективизма до субъективизма, от ангажированности до полифонии, от утилитарности до созерцательности, от конформизма до тенденциозности. Хотя, как видно, толкование текста предполагает обращение к семантике возможных миров, следует руководствоваться идеей заявительности презумпций субстанциальных основ интерпретативной деятельности, правда, так же в широком (едва обозримом) диапазоне интенций от историзма до модернизма. Интерпретация есть деятельность по созданию интеллектуальных возможностей применительно к тексту как произведению, но не множеству знаков. По этой причине трактовка текста

как произведения слишком ценна, чтобы отказаться от нее в качестве исходного предположения, тем более в угоду печально известным экзерцициям на экспериментальных площадках культурного анархо-индивидуализма – авангардизма: дадаизм («стихи без слов» – Арагон), футуризм («несловесный» язык как поэтическая самоцель – Крученых), деконструктивизм (Деррида: «Литература уничтожает себя вследствие своей безграничности») [7, р. 253]; или абстрактной фундаментальной философской онтологии – чего стоит хайдеггеровское «смысл есть «ввиду чего» наброска, исходя из которого нечто понимается как нечто, где «ввиду чего» оказывается «брошенно-наброшенным» смысловым горизонтом сущего.

Понимательное призвание текста – вводить и разворачивать смыслы, оформлять предметность значений. В гносеологической сухой экспозиции способом осуществления этого выступают ранее упоминавшиеся под разными предлогами ресурсы таких эвристических актов, как атрибуция, предикация, субстантивизация, характеристика, обслуживающих понятийную идентификацию, когнитивное узнавание: понимаемо то, что резонансно опыту, что знаемо и распознаваемо.

Напомним: для понимания, как и познания, первое условие всякого прогресса есть содержательное связывание. Поиск и нахождение связей налаживается в соотношении явлений по признаковым группам, помещении их внутрь бинарных оппозиций (сходное – различное, многое – единое и т. п.), предельной манифестацией которых является философское категориальное разбиение действительности.

Принцип подбора философских категориальных пар – альтернативность, взаимоисключаемость, снабжающие мысль дополнительной эвристикой. Дело в том, что паушальная оценка альтернатив, фиксирующих предельно общие противоположные свойства действительности, позволяет, пробегаая промежуточные состояния, частности, генеральным образом трактовать действительность. Философские категориальные пары знакомы с древних времен, где обострялась проблема представления гиперонимами сущностных, номологических, универсальных черт мира. Категории – всеобщие роды бытия и одновременно организующие начала познания – воспроизводят определенности субстанциальных и рефлексивных рядов максимально концентрированным способом.

По закреплённой Аристотелем традиции категории имеют дуальный познавательный-онтологический статус [8], связывающий порядки идей и вещей. Множество семантических разрядов предикабиллий образуют: единичное – общее, сущность – явление, возможность – действительность, причина – следствие, необходимость – случайность, форма – содержание, свобода – зависимость, часть – целое, количество – качество, основа – обоснованное, историческое – логическое, субъективное – объективное, конкретное – абстрактное, естественное – искусственное, телесное – духовное, положительное – отрицательное, субстанциальное – акцидентальное, актуальное – потенциальное, движение – покой, прерывное – непрерывное, конечное – бесконечное, материальное – идеальное, имманентное – трансцендентное, бытие – сознание, возникновение – уничтожение, прекрасное – безобразное, непосредственное – опосредованное, условное – безусловное, цель – средство, реальное – мнимое, ценность – интерес и т. д.

Фиксируемые категориями пограничные взаимоисключающие отношения не реальны в той мере, в какой рассматриваются как существующие автономно. Так, категориальная пара «общее – единичное» утверждает об универсальных и уникальных определениях сущего. Но одно без другого не существует. Универсальное проявляется через уникальное. Уникальное, лишённое универсальных черт, фиктивно, иллюзорно. Не бывает формы без содержания, сущности без явления, причины без следствия и т. д.

Вместе с тем «обособленная» содержательная оценка альтернатив, передающих предельно общие противоположные свойства действительности, – глубокий эвристический прием, позволяющий реализовать профессиональную нацеленность философии на создание глобальных картин мира. Так как подобная деятельность не может состоять в экстенсивном прослеживании ряда составляющих целое промежуточных структур – такое прослеживание не полно и в нетривиальных случаях невозможно – остается иной путь: интенсивный анализ выделяемых в целом крайних отношений, взаимоисключающих оппозиций, биномов, охватывающих весь ряд промежуточных элементов (расцениваемых как «непринципиальные» случаи). Последнее, что очевидно, достигается категориальным членением действительности на противоположные ряды, сосредоточенное изучение которых, избегая частных, позволяет формировать наиболее абстрактные радикальные сценографии саморазвития сущего. Как говорил Гегель, «раздвоение есть источник потребности философии» [9, S. 12].

Гносеологическое назначение категориального отнесения – помещение из поверхностной в глубинную структуру, где ощущение – генеалогическая предтеча восприятия и восприятие – генеалогическая предтеча понятия вместе с понятиями погружаются в объёмные (архетипические) символические разряды. Указанное помещение, погружение, отнесение характеризуются

как протекание концептуально прогрессивного процесса идентификации – таксономизации – онтологически- (эссенциальная координация и субординация) -логической (ментальная родовидовая систематизация) организации предметности (того, на что направлена мысль и что является содержанием мысли), составляющей костяк понимания.

Понимание под углом зрения категоризации суть рефлексивная тематизация, версификация (предметно-признаковое атрибутирование) реальности, нацеленная на уяснение способа строения и отображения мира с позиций определения, как нечто может или не может быть и в силу чего именно. Понимание выстраивается вокруг картины возможного, а не действительного (обоснование, доказательство, объяснение) в эпицентре «содержательно ценного», а не «демонстративного».

Ссылки:

1. Подробнее см.: Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 1996. 536 с.
2. Некрылова А.Ф. Русский традиционный календарь: на каждый день и для каждого дома. СПб., 2007. 765 с.
3. Подробнее см.: Сухачев Н.Л. Экскурсы в историю письма. Знак и значение. М., 2011. 160 с.
4. Подробнее см.: Слобин Д. Психолингвистика. М., 2003. 349 с.
5. Фейнман Р. Характер физических законов. М., 1968. 160 с.
6. См.: Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Л., 1981. 140 с.
7. Derrida Y. La Dissemination. P., 1972. 406 p.
8. Подробнее см.: Ильин В.В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. Изд. 2-е. М., 2010. 168 с.
9. Hegel G.W.F. Differenz des Fichteschen und Schellingschen Systems der Philosophie. Hamburg, 1962.